

**СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ПРИРОДА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ
(на материале психологизированного повествования)**

*Работа представлена кафедрой теории и практики перевода
Ставропольского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор С. В. Серебрякова

Статья посвящена изучению функции метафоры в тексте психологической прозы и установлению ее роли в передаче содержательно-концептуальной информации. Автор статьи рассматривает возможность построения метафорической модели как способа сообщения субъективно-оценочной характеристики персонажа, содержащей основное значение, заключенное в образе данного персонажа, соотносимое с концептом текста.

The article is devoted to the study of metaphor in a text of psychological prose and defining its role in delivering conceptual information of a text. The author examines the opportunity for forming a metaphorical model which is considered as a way to supply a subjective description to a character, containing the basic meaning connected with the concept of the text.

Индивидуальное знание, содержащее оценку, – тот «заряд», который несет и в силу своей контекстуальной обусловленности

позволяет раскрыть индивидуально-авторская (художественная) метафора. Индивидуально-авторская метафора в тексте

способна придать субъективное отношение говорящего к объекту высказывания и «указать» на те необходимые автору признаки объекта, которые должны определить характер отношения к нему у читателя. Метафора способна создать образную «инструкцию» к восприятию того или иного описываемого явления, события или отношения, его характеристику, позволяющую быть обнаруженной, а не представленной как данность, провоцировать сотворчество и «соучастие» читателя. Имея в основе способность сочетать «несочетаемое» (сущности разных порядков) или, как пишет Г. Н. Склярская, «несоответствие между семантическими связями и очевидными логическими связями, существующими между предметами и явлениями действительности»¹, метафора привносит экспрессивность и эмоциональность в высказывание и выполняет оценочную функцию. Соответственно, при изучении метафоры в тексте важно учитывать прежде всего целесообразность оценочного отношения, которое она сообщает. Задача данной статьи установить, каким образом выражаемое посредством метафор субъективное отношение рассказчика к персонажу может служить характеристикой последнего и соотноситься с концептуально значимой информацией текста.

Любой текст содержит материальные (языковые) сигналы, передающие зашифрованные в них смыслы, способные направить интерпретацию. В поиске таких смысловых векторов, которыми выступают, как правило, доминантные смысловые опоры произведения, обратимся к типу текстов психологического жанра, требующих от читающего непрерывной рефлексии и анализа, в которых, на наш взгляд, самым замыслом автора предпосылается необходимость определения путей интерпретации и поиска смысла.

В качестве произведения подобного рода в данной статье мы рассматриваем повесть австрийской писательницы Марлен Хаусхофер «Wir tzen Stella» («Мы уби-

ваем Стеллу»). М. Хаусхофер относится к известнейшим писательницам Австрии и мастерам психологической прозы, чьи работы удостоены австрийской Госпремии в области литературы (1968), а повесть «Wir tzen Stella» («Мы убиваем Стеллу») отмечена премией Артура Шницлера (1963).

Формой повествования – способом изложения событий – в рассматриваемом произведении является почти непрерывный внутренний монолог рассказчика – главной героини Анны. Повествование практически лишено диалогичности и целиком построено на рефлексии Анны, вследствие чего в повести нет как таковой бурно развивающейся интриги. Анна является единственным повествователем, и других персонажей, как и всю содержательно-фактуальную часть информации, читатель воспринимает как бы «пропущенными» через ее сознание. Ни одно событие не может быть названо кульминационным, в ходе повествования они перемешиваются, перемежаются с фрагментами действительности и вкуче являются «гранями» – причинами и следствиями – одного крупного события – смерти девушки Стеллы – потрясения, через которое раскрывается психология рассказчика и «выстраиваются» нравственно-психологические портреты всех персонажей повести.

Центральными объектами авторских оценок и суждений, эксплицированных посредством мнений и оценок рассказчика, являются главные герои произведения. Событийно-содержательное наполнение текста составляет их поведенческая деятельность, а также анализ и оценки, которые дает этой деятельности Анна. При этом основные персонажи, которые фактически являются «составляющими» жизни героини, определяют ее жизненное пространство и внутреннее – психологическое состояние, получая при этом детальную и разнообразную номинацию в тексте, суть не просто герои повести: Рихард – муж Анны, Вольфганг – ее сын, Аннетта – ее дочь и Стелла – молодая девушка, живущая у

Анны в доме. В поле семантического пространства текста они формируют сложные комплексы понятий, ассоциаций, эмоциональных реакций и состояний, приобретая в процессе изложения событий повествователем статус продукта его мыслительной деятельности и представляя для реципиента текста когнитивные и психические структуры – своего рода гештальты главных героев данного произведения, определяющие его восприятие и интерпретацию читающим.

Авторским замыслом психологические типы главных героев задаются как концептуальные образования – корреляты выбранных проблемных областей. Их «контексты», выявляемые из пространства всего произведения, представленного внутренним монологом повествователя, позволяют формировать *метафорические модели* – особые текстовые смыслообразования, которые, аккумулируя в себе максимум содержательно-фактуальной информации, являются в то же время «продуктами» мыслительной деятельности и психоэмоциональных переживаний главной героини и представляют для субъекта восприятия наиболее эксплицитно обозначенные в тексте познавательные формы, состоящие из сумм смыслов и имеющие сложную концептуальную природу.

«Инструкция» к восприятию персонажа, заложенная автором, может быть образной, указывая в таком случае саму суть персонажа, то основное в нем, к чему автору требуется привлечь внимание. Так, *Рихард-наильник* (*Gewaltmensch*, s. 30) – это приговор. Никакие бранные или оскорбительные слова (негодяй, подлец), имеющие общеоценочную отрицательную коннотацию, не «пристают» так к человеку или персонажу произведения, как метафорический образ, сообщающий прежде всего его оценку субъектом речи. *Насильник* – это характер, это суть Рихарда, которая не может быть передана с помощью общеоценочной лексики. Подчиняя окружающих его людей, друзей и близких (как женщин, так и

мужчин) своей воле, Рихард совершает не физическое, а нравственное насилие, и это – единственный тип отношений, приемлемый для него. Прозрачность семантики данной метафоры в сопоставлении с фактуальными данными позволяет увидеть значение, которое вкладывает в нее производитель речи.

«Писатель заинтересован в эмоциональном “нажиме” на адресата»², так как эмоциональное воздействие в процессе восприятия информации неизбежно сформирует оценочное отношение к этой информации. В индивидуально-авторских метафорах, не переходящих в словарь языка, когнитивная «обработка» может протекать на очень сложном подобию, «исходящем из почти “немыслимых” абсолютно нестандартных соответствий», определяющих способность такой метафоры «создавать психологическое напряжение между буквальным значением и значением переосмысленным за счет такой контрастности»³, которая может спровоцировать эмоциональный эффект, вызванный в том числе и способностью метафоры шокировать. Примеры такой метафоры находим у М. Хаусхофер:

*...die das Blut durch Stellas jungen Kyrrpertrieb, diesen sanften roten Saft, der in grossen Lachen auf den Pflastersteinen stand*⁴ – ...что гнала кровь по телу Стеллы, этот нежный красный сок, который большими лужами стоял на мостовой (перевод здесь и далее наш. – Г. З.).

*Und während Stellas Fleisch sich von den Knochen lust und die Bretter des Sarges trinkt, spiegelt sich das Gesicht ihres Mürders im blauen Himmel unschuldiger Kinderaugen*⁵ – И в то время как плоть Стеллы отделяется от костей и пропитывает доски гроба, лицо ее убийцы отражается в голубом небе невинных детских глаз.

В первом контексте, как думается, автор несомненно заинтересован в «эмоциональном нажиме» на читателя, в противном случае та же информация сообщалась бы в стилистически нейтральной форме с помощью таких, скажем, выражений, как «крас-

ная жидкость, которая большими лужами стояла на мостовой» и «в то время как плоть Стелы *разлагается...*». Метафора в данном случае имеет прежде всего эмотивную функциональную нагрузку – она передает эмоционально-окрашенное субъективно-оценочное отношение рассказчика к некоторому факту художественной реальности – с этой целью она и употреблена в данном контексте. Во втором фрагменте отношение – это как бы «вариант оценки» главной героиней Анной того «положения», в котором находятся Стелла и муж Анны Рихард. Метафора *голубое небо детских глаз* имеет устойчивую положительную коннотацию, закрепленную в семантике конституирующих метафору лексем, которая таким образом как бы сообщается и положению Рихарда («*ее убийцы*» – *ihres Mürders*). Перенос семантических признаков неба на детские глаза создает образ, символизирующий *непорочность, невинность*, которая окружает Рихарда, в то время как положение погибшей по его вине Стеллы приобретает резко отрицательную коннотацию опять же благодаря метафоре, которую использует рассказчик. Глаголы *tränken* (*пропитывать*) и *lösen* (*отделяться*) сами по себе не несут знака оценки (оценочно нейтральны). Образ, вызывающий отрицательные эмоции, формируется переносом семантики данных глаголов на признаки объекта метафоризации – «плоти».

Эмоциональный резонанс, который вызывает такая метафора у реципиента, создает условие для реализации целеполагающей интенции автора. Автор художественного текста выбирает такие средства эмоционального воздействия на адресата, которые должны найти «запрограммированный в этих средствах отклик в его душе, вызвать в ней переживание, а следовательно – и экспрессивный эффект... Такой диалог призван изменить систему воззрений реципиента и настроить его на погружение в предлагаемый авторской концепцией мир ценностей и соответствующих им поступков»⁶.

В художественном тексте метафора способна «предложить» особый вариант оценки событий и героев. Так, в рассматриваемом произведении рассказчик выражает свое отношение к персонажам, дает им определенную оценку и формирует «мнение» о них у читателя. Как мы уже отметили, с помощью метафоры возможной становится репрезентация субъективного взгляда рассказчика на события. Полноту раскрытия внутреннего мира персонажа, от лица которого ведется повествование, обеспечивают такие формы психологической речевой активности, как исповедь и рефлексия. Благодаря им создаются обладающие несомненным прагматическим значением условия для экспликации оценочного отношения персонажа-рассказчика к излагаемым им фактам и явлениям. Говоря о текстовой модальности, И. Р. Гальперин отмечает, что это понятие будет представлено не полностью, если «в процессе раскрытия текстообразующих факторов не учесть коммуникативной направленности отрезков текста. Отношения читателя к персонажам произведения – результат сопереживания: явными или скрытыми путями у него возникает представление оценочного характера, в большинстве случаев вызванное отношением самого автора»⁷. Можно с уверенностью говорить о том, что неизменным условием реализации коммуникативного намерения автора и его диалога с читателем будет формирование такой оценки событий, которая максимально приблизит читателя к отвечающей точке зрения автора пониманию и осознанию проблемы, заложенной в текст.

В едином речевом потоке, представленном в повести «*Wir töten Stella*» («Мы убиваем Стеллу») монологом рассказчика, в соответствии с характером сообщаемой информации можно выделить два вида контекстов: повествовательные и психологизированные. Повествовательные контексты «внешнесобытийного» характера описывают события, происходящие в доме Анны, это как бы «объективная» реальность про-

исходящего. Психологизированные же контексты содержат прежде всего информацию «внутриличностного» плана, передают внутреннее состояние, мысли и чувства рассказчика. Совмещение объективных повествовательных и психологизированных контекстов происходит в описаниях персонажей повести, сопровождающихся субъективной оценкой рассказчика.

В психологизированных контекстах, посвященных описанию персонажей повести, реализуется определенная точка зрения, которая сообщается читателю непосредственно – через метафорическое описание, как в примере *Рихард-наильник* или через метафорическую модель. Такая модель может быть выявлена путем систематизации высказываний рассказчика и контекстов с участием того или иного персонажа повести. Смысловое наполнение, связанное непосредственно с глубинным смыслом произведения и исходящее из коммуникативного замысла автора, метафорические модели получают из преобразований смысла, генерируемых концептуальными метафорами, выступающими на всем пространстве текста в качестве субъективных характеристик персонажей повести.

Так, метафорическая модель *Аннетта* выстраивается из следующих, вычленяемых из ее контекстов характеристик (мы иллюстрируем в данном случае наименее широко представленную в тексте метафорическую модель – по разнообразию и детализации номинаций):

1) *Sie ist gerade so schwach und hilflos wie ein junger Tiger oder eine fleischfressende Pflanze*⁸. – Она настолько же слаба и беспомощна, как *молодой тигр* или *плотоядное растение*.

2) *Die beiden, Annette und ihr Vater, sind die geborenen Lockvogel. Fallen, die Gott, oder wer immer, den anderen gestellt hat...*⁹ – Оба, *Аннетта* и ее отец, – *прирожденные приманки*. *Ловушки*, которые Бог или кто-то еще расставил для других...

3) *Nie war Annette ein Problem gewesen, und nie würde sie eines sein*¹⁰. – *Никогда Ан-*

нетта не была *проблемой*, и никогда бы ей не стала.

4) *Es ist angenehm, von Annette geküsst zu werden... ihre Küsse... bedeuten nichts, sie sind... im nächsten Moment vergessen*¹¹. – *Приятно, когда Аннетта тебя целует... ее поцелуи не значат ничего, они... забываются в следующий же момент*.

На следующем этапе для этой метафорической модели, каковой она формируется замыслом автора, соответственно ее характеристикам нами выделяются основные метонимические переосмысления:

Аннетта – это юный хищник, манящее плотоядное растение – ловушка.

На основании этого возникает соответствующая концептуальная метафора, формируемая совмещением референтного гештальта *Аннетта* (существующего внутри данного текста) с коррелятивными ему опытными гештальтами *хищник*, *плотоядное растение*, *ловушка*, дающая представление о значении, которое закладывает автор в сущность героини Аннетты, имплицитно «опредмечивая» в этом персонаже концепт *жизнь* (его художественный эквивалент *жизненная сила* – *vitalität* (с. 44)): *Аннетта* – это юный хищник, обладающий для окружающих красотой и притягательной силой, губительной притягательностью плотоядного растения-ловушки, но не осознающий пока своей привлекательности и опасности.

Ту же имплицитную характеристику автора мы обнаруживаем в *Рихарде*: *Richard* – *ein Spieler* (с. 14) – *игрок*; *Diplomat und Gewaltmensch* (с. 30) – *дипломат и наильник*; *der oberflächlich gezähmte Raubtier* (с. 38) – *слегка прирученный хищник*; *der geborene Verräter* (с. 21) – *прирожденный предатель*; *ein Ungeheuer* (с. 21) – *чудовище*.

На основе систематизации, приведенной выше, нами выводится метафорическая модель персонажа *Рихард*, основанная прежде всего на опытном, субъективном восприятии его рассказчиком и позволяющая судить о его человеческих свойствах,

дающих представление о значении, которое закладывает автор в сущностную характеристику этого героя: *Рихард – это чудовище: слегка прирученный хищник, прирожденный предатель, игрок, дипломат и насильник.*

Из приведенных слов и сочетаний видно, что все они не нейтральны, в их значениях содержится информация об оценке обозначаемого классом объектов, «образное представление и выражение некоторого чувства-отношения»¹², которое в данном случае неоднозначно и зависит от той прежде всего эмоции, которую способен вызвать созданный образ у читателя, – презрения, отвращения или, напротив, восхищения и уважения.

Характеристики героев «пропущены» прежде всего через мировидение рассказчика, в силу этого сугубо субъективны, но неявно соотнесены с концептом текста, который может быть сформулирован как «выживание сильнейшего». При этом характер восприятия персонажа рассказчиком прослеживается не только во вторичных номинациях, но и в психологизированных кон-

текстах, раскрывающих и проясняющих эту картину мира.

Таким образом, метафорические модели приобретают через контексты размышлений и анализа, проводимых рассказчиком, сложную концептуальную фактуру, которая может быть выявлена путем систематизации высказываний рассказчика и контекстов с участием главных героев повести, контекстов, которые позволяют раскрыть их содержание и сформировать отношение к ним читателя через выражение отношения к ним главной героини.

Следует отметить также, что выявление метафорических моделей может быть интерпретационно значимо для типа повествования от первого лица, когда вся событийно-содержательная часть информации поступает к читателю от повествователя и подвергается его личностной акцентуации. Тем более значимым в интерпретации смысла и коммуникативного замысла автора является выявление таких когнитивных моделей в психологическом романе-исповеди.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Складская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 11.

² Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 8.

³ Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 35.

⁴ Haushofer M. Wir tuten Stella. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1996. S. 26.

⁵ Ibid. S. 63.

⁶ Телия В. Н. Указ. соч. С. 28.

⁷ Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 161.

⁸ Haushofer M. Op. cit. S. 17.

⁹ Ibid. S. 16.

¹⁰ Ibid. S. 46.

¹¹ Ibid. S. 47.

¹² Телия В. Н. Указ. соч. С. 29.